

phasizes the role of creative intelligentsia in saving and museumification of cultural values and characterizes some cultural workers of the designated era accentuating that they «have corrected», to a certain extent, revolutionary nihilism of the authorities concerning the cultural heritage. Due to this fact, the 1920s became the «Golden age» in the history of museum business. During this period, public and private repositories replenished country's museums with works of art and antiquities. The author concludes that the museumification of Church buildings and objects relating to divine worship was a way to save them for total destruction. The author uses new dates, gathered in the central and regional archives of Russian Federation.

Keywords: state inventory; state museum fund; provincial department of national education; noble country estate; culture; cultural heritage; museum; museumification; museum policy; Department of Museums and Art and Antiques Protection by People's Education Commissariat; continuity; revolutionary nihilism; art intelligentsia; art values.

УДК 94(47).084.6

DOI 10.24411/2309-4370-2019-11210

Статья поступила в редакцию 14.09.2018

СОРНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, БОЛЕЗНИ И ВРЕДИТЕЛИ КАК ФАКТОРЫ ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

© 2019

Назаренко Назар Николаевич, доктор биологических наук,
профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск, Российская Федерация)

Башкин Анатолий Викторович, координатор
Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. Сложившаяся к середине 20-х годов XX века в СССР система землепользования (индивидуальное землепользование при традиционном ведении земледелия), монокультуры и низкий уровень агротехники и химизации сельского хозяйства привели к чрезвычайному засорению полей и широкому развитию фитопатологических инфекций и вредителей сельскохозяйственных культур. Несмотря на организацию крупных хозяйств и попытку устранить отсталость агротехники, производство зерна в СССР было запрограммировано на массовую вспышку сорной растительности, вредителей и болезней, что и произошло в 1932 году во всех основных зернопроизводящих регионах СССР. В результате катастрофических эпифитотий и эпизоотий сорной растительности, нескольких групп вредителей и грибковых болезней сельскохозяйственных культур 1932 года в зернопроизводящих районах СССР наблюдались катастрофические потери урожая. Из-за поражения грибковыми инфекциями и сорной растительностью отмечался высочайший уровень заражения и засоренности зерна, а также значительное ухудшение его качества. От четверти до половины валового сбора урожая зерновых 1932 года было засоренным и крайне низкого качества. В зернопроизводящих регионах от 30 до 70% зерна было непригодным для использования в качестве продовольственного. Наиболее пострадавшими оказались основные зернопроизводящие регионы – Украина и Северный Кавказ, где наблюдалась наибольшая смертность в 1933 году. Таким образом, сорная растительность, болезни и вредители сельскохозяйственных культур являются одним из ведущих факторов неурожая, плохого качества зерна и голода 1932–1933 годов. Однако, несмотря на чрезвычайно сильную зараженность зерна урожая 1932 года грибковыми спорами, высокая смертность от массовых случаев отравления спорами грибковых заболеваний зерновых не подтверждается.

Ключевые слова: голод 1932–1933 годов; сорная растительность; грибковые заболевания сельскохозяйственных культур; вредители сельскохозяйственных культур; эпифитотии и эпизоотии 1930-х годов; фитопатология; зараженность зерна; качество зерна; пищевые отравления и смертность; сельскохозяйственный кризис 1930-х годов.

Рассматривая катастрофические явления в сельском хозяйстве, приведшие к голоду 1932–1933 года, подавляющее большинство специалистов в качестве факторов голода указывает преимущественно социально-политические и организационно-хозяйственные причины (раскулачивание, коллективизация, хлебозаготовительная политика и т.п.). При этом оценки самого сельскохозяйственного производства и причины, связанные с агротехникой, рассматриваются в последнюю очередь. В качестве таковых причин низкого урожая и голода, связанных непосредственно с агротехникой, обычно указывается уменьшение площади посевов, снижение нормы высева культур, затянутая весенняя посевная кампания и, соответственно, посев культур в неоптимальные сроки, а засоренность посевов анализируется в послед-

нюю очередь [1, с. 104–105]. При этом нарушения агротехники являются в том числе и факторами, способствующими вспышкам размножения вредителей и болезней (эпифитотиям и эпизоотиям), значительно усугубляющими неурожай. То есть объективно прогнозируемый низкий урожай при нарушении агротехники может оказаться гораздо ниже, а продукция растениеводства будет низкого качества и непригодной в пищу и переработку из-за фитопатологических факторов. Кроме того, если сорная растительность хотя бы упоминается, пусть и на одном из последних мест, в качестве фактора кризиса сельхозпроизводства и голода, то другие фитопатологические факторы, а также вредители сельскохозяйственных культур практически не рассматриваются. С другой стороны, в блогосфере сети Интернет до-

статочно давно и активно обсуждается теория, что основной причиной неурожая 1932–1933 гг. являются как раз вспышки болезней сельскохозяйственных культур, прежде всего грибковых, а высокая смертность объясняется массовыми отравлениями зараженными грибами и некачественными продуктами питания.

Таким образом, вопрос о влиянии сорной растительности, болезней и вредителей сельскохозяйственных культур на кризис сельхозпроизводства начала 30-х годов XX века и голод 1932–1933 годов остается непроясненным.

Как уже отмечалось выше, влияние сорной растительности частично было рассмотрено В.В. Кондрашиным. Кондрашин ссылается на мнение канадского специалиста Эндрю Кэрнса, посетившего СССР в 1932 году и наблюдавшего посевы пшеницы. Так, Кэрнс указывает, что при осмотре полей в районе станицы Кавказской на Кубани, он увидел, как «...простиралось красивое поле чертополоха вперемешку с пшеничными колосьями...» [1, с. 100]. Также Кондрашиным приводятся докладные записки работников на местах о высокой засоренности посевов и письмо К.Е. Ворошилова И.В. Сталину о засоренности посевов хлебов на Северном Кавказе [1, с. 105–106].

Однако при более детальном рассмотрении и анализе документальных источников и научных публикаций по фитопатологии и хлебозаготовкам тех времен ситуация с сорной растительностью в 1932 году оказывается значительно хуже, чем это представлено у Кондрашина. Так, высочайшую засоренность посевов в начале 30-х годов отмечали специалисты Всесоюзного института защиты растений (ВИЗР). С 25 ноября по 3 декабря 1932 года в ВИЗР прошло Всесоюзное совещание по борьбе с сорной растительностью, которому придавалось чрезвычайно большое значение [2, с. 1]. На совещании в качестве основного препятствия повышению урожайности сельскохозяйственных культур указывается недопустимо высокая засоренность посевов, в связи с чем требуется острая необходимость принятия чрезвычайных мер вплоть до специального закона по борьбе с сорной растительностью [2, с. 2]. Это же констатируется в резолюции совещания [3].

В «Конъюнктурном обзоре сельского хозяйства СССР за август месяц 1932 года», отправленном в Госплан, указывалась «небывалая засоренность полей сорняками» не только по отдельным хозяйствам или районам, но и по всем основным зернопроизводящим регионам [4]. На Северном Кавказе и степной Украине специальная фитопатологическая экспедиция обнаружила только по одному сравнительно чистому от сорняков участку из всех обследованных [4, л. 37]. Экспедицией отмечалось, что засоренность полей в степной зоне Украины по озимой пшенице достигала 18–84% в сырой массе, а по яровой пшенице – 33–76%; засоренность полей яровой пшеницы на Нижней Волге колебалась от 4 до 89,5%; на Северном Кавказе засоренность полей пшеницы составляла 34–97% [5, с. 23]. Резкую вспышку сорной растительности, начавшей заглушать посевы на Украине, в качестве одной из важнейших причин неурожая 1932 г. отмечал директор Союззернотреста Украины и Крыма А. Бурков [6, л. 55–61; 7, с. 169].

На крайне высокую засоренность сдаваемых по хлебозаготовкам зерновых указывали специалисты Комитета по сельскохозяйственным заготовкам (Комзаг) при Совете Труда и Обороне (с 1933 года – при Совнарком). Так, в заготовительную кампанию 1931–32 гг. на заготовительные пункты в ряде случаев привозилось зерно с засоренностью до 30–35% [8, с. 15]. На Северном Кавказе в заготовительную кампанию 1932–1933 гг. на элеваторы от совхозов поступало зерно засоренностью до 8% [9, с. 14], также отмечалась высокая засоренность зерна (до 15%) в районах Харьковской области Украины [10, с. 28], Центрально-Черноземной области [11] и других регионах [12, с. 13].

Специалисты-фитопатологи отмечали следующие причины массового размножения сорной растительности: массовая мелкая и запоздавшая предпосевная обработка почвы, посев по засоренным землям, несоблюдение сроков сева, недостаточные уходы за посевами или их полное отсутствие, отсутствие борьбы с сорной растительностью на участках, не занятых культурной растительностью. При этом мелкая вспашка была рекомендована учеными-агрономами (академиком Н.М. Тулайковым) и специалистами «Трактороцентра» в качестве средства для увеличения площади посевов, что привело к резкому росту засоренности полей [7, с. 54]. И здесь же указывается, что, в результате таких рекомендаций и ошибок в агротехнике, совершенно чистых от сорной растительности земель в колхозах левобережного Заповжья почти не осталось. Кроме того, в качестве основной причины эпифитотии сорной растительности указывается переход от мелкого земледелия к крупному. В данном случае констатируется ситуация, сложившаяся на селе к началу 30-х годов как результат земельной политики руководства СССР и союзных республик. Так, после Октябрьской революции после социализации земель и распределения их по индивидуальным хозяйствам большинство крестьянских хозяйств вернулось к традиционным способам ведения сельхозпроизводства без севооборотов, часто с трехпольем, без внедрения передовой агротехники, с преобладанием в зерновом клине яровых монокультур. Что автоматически приводит к росту засоренности посевов. Расширение пахотного клина за счет освоения залежей и целинных земель при слабой механизации, химизации и широком внедрении монокультуры с основным упором на яровые ситуацию с сорной растительностью еще больше усугубило. При этом то, что в части передовых хозяйств борьба с сорной растительностью велась, нарастающую проблему засоренности посевов решало только частично. Дальнейшая коллективизация и обобществление земель привело к дополнительному распространению сорной растительности даже на сравнительно чистые участки.

Таким образом, сложившееся к началу 30-х годов положение рано или поздно привело бы к вспышке развития сорной растительности и кризису хлебозаготовок, что и произошло в 1932 году в основных зернопроизводящих районах СССР.

Катастрофичность ситуации 1932 года показывает то, что фитопатологи констатировали ежегодные официальные потери урожая от сорной растительности до четверти валового сбора – 200–300 млн цент-

неров хлеба [13, с. 4], а нарком земледелия Я.А. Яковлев в своем официальном обращении указывал, что сорняки забили культурные растения на миллионах гектаров [14]. В результате массовой вспышки развития сорной растительности советское руководство вынуждено было даже 6 января 1933 года объявить Всесоюзный комсомольский поход против сорняков [13, с. 5; 14].

Массовое развитие сорной растительности привело к резкому снижению качества продукции растениеводства. Официально по результатам заготовительной кампании руководство Комзага отмечало, во-первых, крайне высокую долю в заготовках 1932 г. допустимо засоренного зерна (до 48% всего зерна пшеницы), во-вторых, высокую долю зерна с недопустимой засоренностью свыше 3% (30% всего зерна пшеницы) [15, с. 13]. Обследование урожая 1932 года специалистами Государственной хлебной инспекции (ГХИ) Комзаг показало следующее качество заготовленного зерна по сорной примеси:

Озимая рожь. В целом по СССР сорная примесь составляла в среднем 1,7%, максимально – 16%, при этом 18,5% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 3].

Озимая пшеница. В целом по СССР сорная примесь составляла в среднем 1,9% максимально 10%, 24,5% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 4]. При этом на конец уборочной кампании (31 августа 1932 года) в основных зернопроизводящих районах как «сорное» классифицировалась доля валового сбора озимой пшеницы: Украина – 5,5–24,5% (совхозный и колхозный сектор, соответственно), Северный Кавказ – 30,4–30,9%, Нижняя Волга – 33,5–55,6%, Центрально-Черноземная область – 18,3–26,1% [16, л. 40]. Таким образом, от четверти до половины валового сбора озимой пшеницы в основных зернопроизводящих районах было засоренным и некачественным.

Яровая пшеница. В целом по СССР по мягкой пшенице сорная примесь составляла в среднем 2,2%, максимально 22,4%, 34,8% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 7]; по твердой пшенице в целом по СССР сорная примесь составляла в среднем 1,9%, максимально 6,1%, 33,7% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 8]. Таким образом, треть урожая 1932 года яровых пшениц была засоренной и некачественной. Наиболее катастрофическая ситуация по яровой мягкой пшенице была в Центрально-Черноземной области и на Украине, где фактически все зерно этих сортов определялось как «низконатурное сорное», поскольку содержало 3,2–3,5% сорной примеси, а доля засоренного зерна в валовом сборе составляла 64,5% на Украине и 55,5% – ЦЧО [16, л. 5–6].

Ячмень. В целом по СССР сорная примесь составляла в среднем 2,8%, максимально 11%, 18,3% валового сбора зерна классифицировалось как сорное [16, л. 11]. При этом по яровому ячменю на Украине сорная примесь составляла в среднем 2,94% и максимально – 11%, 23,4,8% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 8–9].

Овес. В целом по СССР сорная примесь составляла в среднем 3,4% максимально 16,1%, 46% валового сбора зерна классифицировалось как «сорное» [16, л. 13–14].

Специалисты по переработке сельскохозяйственной продукции указывали, что поставка засоренного зерна приводила к очень большим потерям при производстве хлебобулочных и крупяных изделий. В частности, в 1932 году потери при производстве крупяных изделий из-за поставок засоренного зерна составляли до 10% или около 80000 тонн, что составляло «минимум, полуторамесячный план снабжения» [17, с. 18].

В связи с высочайшей засоренностью сдаваемого зерна отдельным пунктом постановления Совета Труда и Оборона (от 10 июня 1932 г. № 671, п. 27) было установлено, что «... при приемке зерна от сдатчиков излишняя, сверх установленных норм, сорная примесь и влажность скидывается с веса и в план хлебосдачи не засчитывается» [8, с. 15]. То есть специалисты-заготовители старались принимать наиболее качественное зерно, бракуя остальное. Тем не менее даже при таких требованиях зерно урожая 1932 г. оказалось крайне засоренным. А на местах в хозяйствах оставалось зерно гораздо худшего качества.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, от четверти до половины валового сбора урожая зерновых 1932 года было некачественным и непригодным в переработку и в пищу. Наиболее катастрофической ситуацией была в зернопроизводящих районах, где непригодной в пищу большая часть зерна.

Тяжелой также была ситуация с поражаемостью зерновых вредителями. Основная проблема заключалась в низком уровне химизации сельскохозяйственного производства, монокультуре и особенностях проведения уборочной кампании. Низкий уровень химизации и монокультура приводили к массовым вспышкам большинства насекомых вредителей в 1932–1933 годах, что привело к частичной гибели посевов [18]. Так, специалистами ГХИ Комзага отмечалось значительное поражение посевов озимых зерновых хлебным кузькой на Северном Кавказе [16, л. 63–64], в Крыму [16, л. 66] и на Украине [16, л. 67–68]. Эпизоотия другого вредителя, лугового мотылька, отмечалась два года подряд: в 1931 году она охватила порядка 10–20 областей, а в 1932 г. – уже свыше 20 областей СССР, при этом официально отмечалась гибель посевов от гусениц лугового мотылька на 279 тыс. гектаров [19, с. 12]. Хотя данная величина и вызывала сомнения в достоверности, поскольку отмечались приписки гибели посевов от сорной растительности и нарушений агротехники луговому мотыльку, тем не менее площадь эпизоотии этого вредителя была на порядок выше предыдущих годов и самой значительной с 1929 года [19, с. 12: табл. и сноски 2]. Катастрофические размеры размножения в начале 30-х годов еще одного вредителя, кукурузного мотылька, отмечались в специальном постановлении СНК РСФСР в 1931 году, в 1932–1933 гг. ситуация не улучшилась, а фитопатологи указывали, что вредная деятельность кукурузного мотылька приобретает ежегодный хронический характер [20, с. 35–36]. Для Украины и Северного Кавказа наблюдалась вспышка размножения клопа-черепашки, что привело к высокой доле дефектного зерна [21]. Не менее запущенной была ситуация и с амбарными вредителями [22].

Помимо этого, начиная с весны 1932 года, в СССР наблюдалась вспышка размножения мыше-

видных грызунов, достигая своего пика в осенне-зимний период [23, с. 77]. Причинами такой вспышки численности, кроме благоприятных метеорологических условий, являются оставление необранного и необмолоченного хлеба на полях во время уборочной кампании и неправильные способы хранения зерна. Так, уборка зерновых в те годы осуществлялась не прямым, а раздельным комбайнированием в несколько этапов. Зерновые убирались в фазу восковой спелости в период жатвы или косовицы. После чего оставлялись в валках или проводилось скирдование и в скирдах хлеба оставлялись на полях на дозревание. Спустя несколько дней валки и скирды подбирались и вывозились с полей на обмолот. В дальнейшем обмолоченное зерно подсушивалось, провеивалось и отправлялось на хранение. И в период скирдования – обмолота решающим фактором, кроме хороших погодных условий, было не затягивание сроков скирдования, вывоза и обмолота, иначе зерно начинало осыпаться и ухудшалось его качество. При этом и появлялись условия для массовой вспышки развития мышевидных грызунов.

В 1932 году проблемы с соблюдением сроков скирдования и обмолота в зернопроизводящих районах были катастрофическими. В частности, в августовском черновике докладной Комзага о работе колхозов, совхозов, партийных и советских организаций Северного Кавказа отмечается недопустимый разрыв в 5–10 (и более) дней между косовицей и скирдованием [24, л. 41 об.]. В письме председателю Комзага М.А. Чернову о ходе хлебоуборочной кампании в Крыму от 1 сентября 1932 г. отмечалось крайне плохие условия хранения хлебов в скирдах [24, л. 129]. Очень серьезные проблемы со сроками и соблюдением правил скирдования и обмолота отмечались по всем зернопроизводящим районам СССР в течение всей уборочной и хлебозаготовительной кампании [9, с. 9; 25, с. 2; 26, с. 25].

К осени 1932 года в результате проблем с уборкой зерновых массовая вспышка размножения мышевидных грызунов отмечалась для всей степной зоны СССР от западной границы до Дона и предгорий Кавказа [23, с. 77]. Плотность нор в отдельных районах доходила до 5000 на гектар (Джанкойский и Ишуньский р-ны Крыма), 3000 на гектар (Днепропетровская и Одесская области Украины), 10000 и выше нор на гектар (осенний период по всему Северному Кавказу, Калмыкии и Поволжью) [23, с. 77]. Зимой 1932–1933 гг. в Ставрополье в скирдах половы находили до 4000 мышей (до 70 мышей на кубический метр) [27, с. 149]. В Казахстане площадь заселения мышевидными грызунами составляла 4 млн га [23, с. 78]. Наибольшие вспышки в течение 1932 года отмечались на Северном Кавказе, Дагестане, Нижней Волге, Урале и Казахстане, где плотность нор достигала 10000 на га [23, с. 78: табл.]. На Украине преимущественно в южных районах эпизоотия мышевидных грызунов охватила полтора миллиона гектаров земель, а порча зерна в скирдах и хранилищах достигла таких масштабов, что Совнарком и Наркомзем УССР специальным постановлением признали это в качестве стихийного бедствия и обязали все организации до районного уровня включительно провести обязательную кампанию против мышей [28, с. 102].

Таким образом, пораженными эпизоотией мышевидных грызунов в 1932 году оказались практически все зернопроизводящие районы СССР, а в целом в 1932 году по зернопроизводящим районам наблюдалась катастрофическая непрогнозируемая вспышка нескольких групп вредителей сельскохозяйственных культур, которая привела к значительным потерям и повреждениям урожая.

Наконец, необходимо рассмотреть ситуацию с грибковыми заболеваниями сельскохозяйственных культур и смертность, вызванную этими факторами. При оценке качества зерна используется показатель вредной примеси, куда, кроме ядовитых и горьких семян сорных растений, также относят споры грибковых паразитов рода фузариум, спорынья и головневых грибов. Заражение головневыми грибами приводит к появлению так называемого синегузочного (споры гриба скапливаются в бородке зерновки) и мараного (споры гриба прилипают к зерновке) зерна, также зерно может засоряться остатками плодовых тел твердой головни, которые крайне тяжело отделяются от зерновой массы. Мука из такого зерна имеет синеватый оттенок, неприятный запах и в пищу непригодна. Заражение спорыньей приводит к накоплению в зерне плодовых тел (склероциев, или «рожек»), которые очень ядовиты и вызывают опасное заболевание эрготизм. Заражение грибами рода фузариум приводит к развитию фузариозов: т.н. «пьяный хлеб» и «септическая ангина» (алиментарно-токсическая алейкия).

В СССР к началу 30-х годов XX века ситуация с опасными грибковыми заболеваниями была критической. Так, в 1931–32 гг. было проведено несколько совещаний вплоть до всесоюзной конференции, а проблеме засорения посевов головней был посвящен целый том сборника научных работ по защите растений [29]. В своих работах фитопатологи основными причинами засорения зерна головней называют те же, что и для эпизоотии сорной растительности: «форма индивидуального землепользования» [29, с. 14] и низкий уровень соблюдения агротехники [29, с. 16]. Культура земледелия и ситуация с грибковыми заболеваниями на селе тогда была такова, что крестьяне «слишком свыклись с высокой засоренностью семенного материала индивидуальных хозяйств» [29, с. 24]. Также специалисты отмечают крайне низкий уровень фитопатологических исследований в хозяйствах, когда фиксируются только случаи, когда грибок становится видимым, то есть регистрируются только проявления головни, а не зараженность зерна, которая приближалась в хозяйствах к 100% [29, с. 16].

Угрожающая ситуация с засоренностью зерна головней отмечалась на 7 Всесоюзном съезде по защите растений [30]. Научные исследования показали, что в 1932 году ситуация не только не улучшилась, а даже ухудшилась. Всесоюзный съезд работников отделов борьбы с вредителями констатировал, что вопросам борьбы с головней не уделяется должного внимания, а к 1932 году процент проявления головни повысился для яровой пшеницы с 0,3 до 0,6% [31, с. 47]. При этом зараженность 0,5% считается сильной [32, с. 73], а зараженность 1% приводит к 20–30% гибели посевов [31, с. 49].

В 1932 году специалистами ГХИ Комзага отмечалось значительное поражение посевов озимых зерновых на Украине головней [30] и спорыньей [7, с. 119; 33, л. 368; 34, л. 66–67] и спорыньей на Нижней Волге [16, л. 69]. Научные исследования показали, что тогда зараженность, в зависимости от культуры, колебалась от 0,6 до 4,1% [32, с. 73]. По пыльной головне в среднем по СССР зараженность составляла 0,8% по пшеницам и 1,2% по ячменю [35]. Наиболее проблемной культурой был овес: на Украине пораженность составляла 2,8%, по Центральным черноземным областям – 3,6%, на Нижней Волге – 6,0% [32, с. 74, табл. 3]. Высочайший уровень заражения посевов грибковыми заболеваниями в 1932 году показывают обследования следующего года, которые провели спохватившиеся постфактум фитопатологи. В 1933 году зараженность пыльной головней 0,5% регистрировалась для 53–90% обследованных посевов яровой пшеницы в Западной, Центрально-Черноземной, Московской областях и на Средней Волге [36, с. 31]. Большой недобор урожая в связи с фузариозом констатировался на 7 Всесоюзном съезде по защите растений [37, с. 12].

В целом, можно констатировать, что ситуация с грибковыми заболеваниями зерновых в 1932 году была действительно тяжелой (практически в каждом выпуске Сборника ВИЗР за 1932–1933 года отмечается как минимум одна статья по этому вопросу). При этом эпифитотии грибковых заболеваний вели к резкому непрогнозируемому падению урожайности и снижению качества зерна.

Обследования урожая 1932 года специалистами ГХИ показало следующее качество заготовленного зерна по вредной примеси: озимая пшеница – до 1,5% (в среднем – 0,1%) [16, л. 4], яровая пшеница мягкая – до 1,7% (в среднем – 0,06%), твердая – до 0,6% (в среднем – 0,02%) [16, л. 7]; при этом отмечается высокая доля вредной примеси по мягким яровым пшеницам в УССР – до 3% (в среднем 0,4%) [16, л. 5], ячмень – до 2% (в среднем – 0,04%) [16, л. 11], овес – до 2% (в среднем – 0,2%) [16, л. 13].

Таким образом, опасные грибковые заболевания, с одной стороны, приводили к снижению урожая основных зерновых культур, с другой – к падению качества заготавливаемого зерна. Наиболее проблемными являлись мягкие яровые пшеницы в УССР, для которых наблюдались наивысшие показатели содержания вредной примеси в зерне, приближающиеся и превосходящие, в среднем, критические. Все это приводило к тому, что часть зерна характеризовалась низкими показателями качества и была непригодна к употреблению в пищу.

Массовость же отравления в 1932–1933 годах населения при питании зараженным грибковыми спорами зерном значительно преувеличена. Так, в специальной публикации, посвященной «пьяному хлебу» в СССР, массовых случаев заболеванием фузариозом в «традиционных» местах развития грибка не отмечается [38]. Констатируются только отдельные

случаи отравлений для Приморского края, Московской, Ивановской, Горьковской областей и Карелии. Также в 1932 г. отмечалось появления грибов рода фузариум в ряде районов СССР, где раньше он не имел распространения, но о симптомах «пьяного хлеба» сообщений не было [39, с. 44]. На Украине в нескольких районах отмечались случаи отравления ржаной муки из зерна, зараженного спорыньей, однако смертельные случаи указываются как единичные [7, с. 119; 34, л. 66–67].

В 1933 году известен случай массовой эпидемии «септической ангины», которой в мае – июле было охвачено несколько районов на Урале, в результате чего умерло 707 человек из 1346 заболевших [40, л. 50]. На эпидемию выехала группа врачей и комиссия во главе с наркомом здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирским. Комиссия пришла к выводу, что причина не в голоде или в отравлениях спорами, а заболевание имеет инфекционную природу [40, л. 58].

Нами проанализированы мартирологи «Книг памяти жертв Голодомора» на Украине [41] на предмет выявления в актах смерти по украинским селам в 1932–1933 годов, сохранившихся в областных архивах, случаев смерти от болезней, связанных с грибковыми вредителями зерновых. При этом нами было обнаружено около десятка указаний на отравление спорыньей («отравление рожками»), что не может свидетельствовать о массовости явления. Других однозначных указаний на явления эрготизма либо фузариоза в сохранившихся актовых записях не обнаруживается. Поскольку отравление грибковыми заболеваниями сопровождается различными проявлениями, то дополнительно были проанализированы диагнозы, которые в той или иной степени условно можно привязать к отравлениям зерном, зараженным грибковыми спорами (табл. 1).

Таким образом, число умерших с диагнозами, которые в той или иной степени условно можно привязать к отравлениям зерном, зараженным грибковыми спорами, в 1933 году (когда наблюдался пик смертности) практически не изменилось, за исключением случаев, связанных с проблемами питания и различного рода отеками. При этом необходимо отметить, что подавляющая часть проблем питания – это обычные пищевые отравления, а их рост в 1933 году вызван ростом отравлений суррогатами и смертями от авитаминоза, что напрямую связано с голодом, а не заражением продуктов питания спорами грибов. Что касается отеков, то рост этих диагнозов произошел за счет смертности от алиментарных (безбелковых) отеков, а не за счет отеков, связанных с отравлениями.

Следовательно, несмотря на высокую зараженность зерна урожая 1932 года грибковыми спорами, «мор без голода» от массовых случаев отравления спорами грибковых заболеваний зерновых в самом проблемном с грибковой эпифитотией в 1932 году регионе – Украине – не подтверждается.

Таблица 1 – Диагнозы в сохранившихся актах смерти в сельской местности УССР в 1932–1933 годах

Год	Актовых записей	Ангины	Проблемы питания	Отеки	Судороги	Сепсисы	Инттоксикации
1932	80802	184	117	435	564	29	51
1933	197807	122	834	3887	435	13	54

При этом, анализируя эпифитотии зерновых 1932 года в СССР, особое внимание необходимо обратить не на опасные для здоровья человека грибковые заболевания, а на ржавчинные грибки, с которыми в анализируемый период ситуация была не менее острой. Так, на 7 Всесоюзном съезде по защите растений было пять докладов, посвященные ржавчине хлебных злаков, при этом потери от зараженности посевов бурой ржавчиной достигали 70% преимущественно из-за снижения абсолютного веса зерна и числа зерен в колосе [42, с. 55]. Фитопатологи для пшеницы и овса потери урожая от ржавчины оценивали в среднем в 10–15% [43, с. 51], на стадии кушения потери могут достигать 100% [43, с. 53]. При этом в начале 30-х годов прошлого века для сельского хозяйства Украины такая ситуация являлась «обычной» [44].

С.Е. Грушевой и Г.Ф. Маклакова [45, с. 4] приводят данные, что в 1932–1933 году было два года подряд сильной эпифитотии стеблевой ржавчины на Северном Кавказе, что подтверждается данными ГХИ Комзага [16, л. 63–64]. Потери урожая в 1932 году в результате этой эпифитотии на Северном Кавказе оцениваются до 50% [43, с. 51]. На значительные потери в 1932 г. урожая овса от ржавчины в Центрально-Черноземной области указывал И.М. Варейкис [7, с. 230; 6, л. 73–82]. В 1932 году корончатая ржавчина овса привела к гибели значительной части урожая на Украине, в Белоруссии и Центральных черноземных областях (потери урожая овса составляли до 20 млн ц) [45, с. 4]. А вспышка развития листовой ржавчины в 1932–33 годах привела к снижению урожая на 50% для Украины (юго-запад Киевской области, Винницкая область, западная часть Одесской области) [45, с. 4]. При этом указанные регионы Украины совпадают с частью территории, наиболее пострадавшей от голода в 1933 году [46, с. 99, илл. 2]. Потери урожая от бурой листовой ржавчины на Украине в 1932 году составляли до 20–30% [44].

Ржавчина достаточно тяжело идентифицируется (внешне посевы выглядят как нормальные, а поражение может выявить только опытный специалист), и зачастую вред от нее является косвенным, поскольку поражаются стебли и листья, а резко падет урожайность и качества зерна [45, с. 3]. В годы эпифитотии абсолютный вес зерна из-за пораженности ржавчиной падает на 60–80% для стеблевой ржавчины [45, с. 3] и на 40–47% – для бурой ржавчины, число зерен в колосе уменьшается на 20–29% [42, с. 55]. Поражение корончатой ржавчиной овса при-

водит к понижению абсолютного веса зерен на 50–60% [45, с. 3].

Таким образом, эпифитотия ржавчины в основных зернопроизводящих районах в 1932 году привела не только к потере урожая, но и резкому снижению качества зерна. Так, специалисты ГХИ Комзага на 20 октября 1932 года определяли следующие показатели качества зерновых (табл. 2) [16, л. 1–14].

Здесь необходимо отметить, что классность продовольственного зерна определялась, прежде всего, по хлебопекарским качествам, таким как содержание белка, клейковины и стекловидности. Для употребления в пищу пригодны первые три класса и, ограниченно, с добавлением зерна высших классов, – четвертого. Таким образом, по яровым пшеницам пригодным и ограниченно пригодным продовольственным зерном являлось около 30–40% урожая, по озимой ржи и пшенице – около половины урожая. Остальная часть урожая зерновых являлась в лучшем случае фуражным, среднего и низкого качества.

Исходя из вышеизложенного, сложившаяся с 1918 по 20-е годы XX века система землепользования (индивидуальное землепользование при традиционном ведении земледелия) и низкий уровень агротехники привели к чрезвычайному засорению полей и широкому развитию фитопатологических инфекций, что сельхозпроизводителями воспринималось как «нормальное». Сложившаяся к концу 1920-х – началу 1930-х годов ситуация, несмотря на организацию крупных хозяйств и попытку устранить отсталость агротехники, была запрограммирована на массовую вспышку сорной растительности и вредителей, что и произошло в 1932 году во всех основных зернопроизводящих регионах СССР.

В результате таких эпифитотий и эпизоотий 1932 года в основных зернопроизводящих районах СССР наблюдались катастрофические потери урожая. Из-за поражения грибковыми инфекциями и сорной растительностью наблюдался высочайший уровень заражения и засоренности зерна, а также значительное ухудшение его качества. При этом от 50 до 70% зерна оказалось непригодным для использования в качестве продовольственного.

Наиболее пострадавшими регионами оказались регионы наибольшей смертности от голода 1933 года – Украина и Северный Кавказ.

Таким образом, сорная растительность, болезни и вредители сельскохозяйственных культур являются одним из ведущих факторов неурожая, плохого качества зерна и голода 1932–1933 годов.

Таблица 2 – Качество зерна урожая 1932 г. по СССР, %

Культура	Классное зерно					Внеклассное зерно		
	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	высоко-натурное	средне-натурное	низко-натурное
Озимая рожь	4,9	13,9	19,7	13,3	0,5	10,3	23,8	13,4
Озимая пшеница	6,8	13,4	14,7	12,8	0,2	3,8	21,5	26,3
Яровая пшеница мягкая	4,9	11,2	11,6	11,2	–	8,4	26,2	25,2
Яровая пшеница твердая	2,9	8,2	7,3	13,1	–	11,7	20,1	34,0
Ячмень	2,4	7,8	17,6	13,1	0,4	8,7	29,5	19,8
Овес	2,6	4,3	9,6	12,3	0,2	10,0	24,8	36,0

Список литературы:

1. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 520 с.
2. Бек М. Борьба с сорной растительностью, вредителями и болезнями // Сборник Всесоюзного института защиты растений (ВИЗРа). 1932. вып. 4. С. 1–7.
3. Резолюция Всесоюзного совещания по борьбе с сорной растительностью // Сборник Всесоюзного института защиты растений (ВИЗРа). 1932. вып. 4. С. 142–163.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 30. Д. 870а.
5. Гладкий М. Агротехника в борьбе с сорняками в посевную кампанию // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 23–31.
6. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 40. Д. 84.
7. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2012. 912 с.
8. Донской В. Борьба за высокое качество хлеба // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 6. С. 15–17.
9. Сапаров Г. Неорганизованность плюс оппортунистическое благодушие // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 9. С. 9–14.
10. Пашенко Е. Прорыв заготовительного фронта на Украине // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 9. С. 26–29.
11. Каспарова М. Совхозы ЦЧО недооценивают значения хозяйственных договоров // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 11. С. 32.
12. Стегов Д. Правильно принять и сохранить заготовленный хлеб // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 11. С. 11–14.
13. Бертельс А. Подготовка к борьбе с сорняками // Сборник ВИЗРа. 1933. вып. 5. С. 4–8.
14. Письмо наркома земледелия СССР т. Я.А. Яковлева штабу похода против сорняков при «Комсомольской правде» // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 31.
15. Создать мощную техническую базу хлебозаготовительной кампании. Доклад зам. председателя Комзаг СНК СССР и начальника Заготзерно тов. И.М. Клейнера на Всесоюзном хлебном совещании // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СНК. 1933. № 11. С. 10–17.
16. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 1. Д. 22.
17. Софроненко И. Усилить борьбу с потерями и бесхозяйственностью в хлебообороте // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 16. С. 18–21.
18. Карпова А. Энтомологические факторы – положительные и отрицательные (Продвижение пшеницы) // Сборник ВИЗРа. 1933. вып. 7. С. 22–30.
19. Знаменский А. Как бороться с луговым мотыльком // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 6. С. 12–33.
20. Щеголев В. Кукурузный мотылек в коноплеводческих районах // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 6. С. 34–46.
21. Козьмина П. Пшеница с дефективной клейковиной и причины ее появления // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СНК. 1933. № 6. С. 45.
22. Румянцев П. Источники и пути заражения зерна и муки амбарными вредителями // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СНК. 1933. № 5. С. 42–43.
23. Фалькенштейн Б. Мышевидные грызуны в СССР в 1932–33 гг. // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 7. С. 77–82.
24. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 1. Д. 20.
25. Уроки начала заготовительной кампании // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 7. С. 1–4.
26. Прорывы в уборке и хлебозаготовках в нижневолжских зерносовхозах // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СТО. 1932. № 7. С. 25–26.
27. Калабухов Н., Оболенский С. Массовые размножения мышевидных грызунов // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 149–153.
28. Плятер-Плохоцкий К. Мыши на Украине // Сборник ВИЗРа. 1932. Вып. 4. С. 101–102.
29. Труды по защите растений. II серия: Фитопатология. 1932. Вып. 2. 65 с.
30. Пройда П. Головня (автореферат доклада) // Сборник ВИЗРа. 1932. Вып. 4. С. 53–55.
31. Руденко Д. Система мероприятий против головни в уборочный период // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 6. С. 47–50.
32. Пройда П. Усилим борьбу с головней // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 73–78.
33. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 11.
34. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237.
35. Бубенцов С. Термический способ борьбы с пыльной головней // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 79.
36. Грушевой С., Пройда П., Тупиневич С. Болезни пшеницы на севере и меры борьбы // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 7. С. 31–37.
37. Резолюции VII Всесоюзного съезда по защите растений по докладам // Сборник ВИЗРа. 1932. Вып. 4. С. 8–16.
38. Наумов Н. Пьяный хлеб // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 5. С. 159–162.
39. Агрономов Е. О розовоокрашенном зерне и «пьяном хлебе» // На фронте сельскохозяйственных заготовок. Журнал комитета по заготовкам с.-х. продуктов при СНК. 1933. № 6. С. 43–45.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5446. Оп. 15а. Д. 520.
41. Національна книга пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 років в Україні. Вінницька область. Вінниця: ДП «ДФК», 2008. 1105 с.; Дніпропетровська область. Дніпропетровськ: АРТ-ПРЕС, 2008. 1248 с.;

Донецька область. Донецьк: КП Регіон, 2008. Ч. 1. 784 с., Ч. 2. 784 с.; Житомирська область. Житомир: «Полісся», 2008. 1116 с.; Запорізька область. Запоріжжя: Дике Поле, 2008. 1080 с.; Київська область. Біла Церква: Буква, 2008. 1376 с.; Місто Київ. К.: Фенікс, 2008. 584 с.; Кіровоградська область. Кіровоград: ТОВ «Імекс ЛТД», 2008. 920 с.; Луганська область. Луганськ: Янтар, 2008. 918 с.; Миколаївська область. Миколаїв: Вид. «Шамрай», 2008. 864 с.; Одеська область. Одеса: Астропринт, 2008. 1008 с.; Полтавська область. Полтава: Оріяна, 2008. 1200 с.; Сумська область. Суми: Собор, 2008. 920 с.; Харківська область. Харків: Фоліо, 2008. 1023 с.; Херсонська область. Херсон: Наддніпрянська правда, 2008. 844 с.; Хмельницька область. Хмельницький: ТОВ «Поліграфіст-2», 2008. Кн. 2. 1176 с.; Черкаська область. Черкаси: Вид. Чабаненко Ю., 2008. Ч. 1. 1200 с.,

Ч. 2. 1200 с.; Чернігівська область. Чернігів: Деснянська правда, 2008. 1060 с.

42. Русаков Л. Ржавчина хлебов (автореферат доклада) // Сборник ВИЗРа. 1932. Вып. 4. С. 55–57.

43. Грушевой С. Ржавчина зерновых хлебов. Проблема ликвидации и наши очередные задачи // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 6. С. 51–54.

44. Борьба с ржавчиной на Украине // Сборник ВИЗРа. 1933. Вып. 7. С. 89.

45. Грушевой С.Е., Маклакова Г.Ф. Ржавчина зерновых культур и меры борьбы с нею. М.-Л.: Гос. изд. колх. и совхоз. лит-ры, 1934. 40 с.

46. Воловина О., Плохий С.М., Левчук Н.М., Рудницький О.П., Ковбасюк А.Б., Шевчук П.Є. Регіональні відмінності втрат від голоду 1932–1934 рр. в Україні // Український історичний журнал. Київ. 2017. Вип. 2. С. 76.

WEEDS, DISEASES AND PLANT PESTS AS FACTORS OF FAMINE IN 1932–1933

© 2019

Nazarenko Nazar Nikolayevich, doctor of biological sciences,
professor of Chemistry, Ecology and Chemistry Methodology Department
South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Bashkin Anatoliy Viktorovich, coordinator
Project «Historical Materials» (Moscow, Russian Federation)

Abstract. Land tenure system (individual land using and conventional farming) which had been formed in the USSR by the middle 1920th, single-crops and low farming techniques and farming chemicalization led to emergency development of weeds, diseases and plant pests. In spite of agricultural enterprises consolidation and attempts to remove farming techniques backwardness, the grain production in the USSR had been doomed for weeds, diseases and plant pests outbreak that occurred in 1932 in main cereals regions of the USSR. Consequently, catastrophic epizooties of some plant pests and catastrophic epiphytoticities of weeds as well as cereal crops mycosis led to catastrophic losses of yield that took place in 1932 in main cereals regions of the USSR. The highest level of pest infestation, dockage of grain was observed in 1932, it was the cause of cereals crops baking value fall. From quarter to half of gross grain yield was off-grade and from 30 to 70% of grains were unapt for food in 1932–1933. The most sufferers were the main cereals regions – Ukraine and Northern Caucasus, where the greatest mortality was observed in 1933. Thus, weeds, diseases and plant pests were one of principal factors of crop failure and bad cereals crops baking value as well as famine in 1932–1933. In spite of high mycosis infection of grains, high mortality from mycosis intoxication wasn't confirmed.

Keywords: famine in 1932–1933; weeds; fungus diseases of cereals crops; plant pests; agricultural diseases; epiphytoticities and epizooties of 1930th; phytopathology; cereals crops infection rate; cereals crops baking value; food poisonings and mortality; agrarian crisis.

УДК 94(595)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-11211

Статья поступила в редакцию 12.01.2019

КОРПОРАЦИЯ РЭНД: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОБЕРТА КОМЕРА

© 2019

Лёзин Александр Иванович, студент исторического факультета
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. РЭНД – «фабрика мысли» в США. Корпорация, в которой специалисты разных областей науки пишут аналитические работы, посвящённые той или иной проблеме. РЭНД имеет большой авторитет в США. Многие работы по Вьетнаму делались по государственному заказу США (от Министерства обороны), в том числе работы Роберта Комера – именно об исследованиях этого специалиста, проведённых по заказу Агентства перспективных исследований при Министерстве обороны США, и пойдёт речь. В статье просматривается биография Роберта Комера в контексте от конфликта во Вьетнаме до сотрудничества с корпорацией РЭНД. Во Вьетнаме, по личному указанию президента США Линдона Джонсона, Комер являлся руководителем «программы умиротворения», или официально: «программы поддержки гражданских операций и развития сельских районов». Завершив свою деятельность во Вьетнаме, Комер поделился накопленным опытом и знаниями в докладах для корпорации РЭНД. Работы его обращены к проблемам контрпартизанской войны. В статье даются характеристики работам Роберта Комера в рамках корпорации РЭНД. В заключение подчёр-